

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ МЕЧТЫ

Б. КЫДЫКЕЕВА,
народная артистка Киргизской ССР

Небольшое село Тугульдун. Это пригород Фрунзе, ныне колхоз имени XII партсъезда. Там прошло мое детство. Там мой родной дом. Там родилась моя мечта стать актрисой. С той поры промелькнуло уже более тридцати лет, а закрошь глаза, и словно вчера это было...

Вот я снова девчонка. Я бегу в школу, и сердце радостно бьется: сегодня, сейчас, сегодня, сейчас. Сегодня в нашей школе снова выступают артисты республиканского драматического театра. Каждый раз, когда я видела на сцене школьного зала известных актеров Мусу Баева и А. Баталиева, актрису Джаманову и других, у меня перехватывало дыхание. Я смотрела на них, и мои мечты уносились далеко в будущее. И вот уже будто не они, а я на сцене. Не они, а я пою и танцую, играю в спектакле, а зал слушает меня, восхищается мной. И мне легко, радостно играть для них.

«Я буду актрисой, только ею и никем другим. Если что-нибудь помешает, — лучше умереть», — шептала я словно клятву. Это было моей мечтой, моей тайной. Одна лишь подруга Даркуль Куюкова была посвящена в нее, нас объединяла одна страсть — театр.

Помню, это было ранним утром. Как обычно, мы встретились с Даркуль и с сумками под мышками отправились в школу. Выйдя за село, мы оглянулись и побежали к речке Ала-Арчинке. Отыскав на берегу большой камень, засунули под него наши учебники и отправились на встречу со своей мечтой. И не куда-нибудь пошли, а сразу в Республиканский киргизский драматический театр. Но...

«Вы слишком малы, девочки, мы не можем вас принять», — ответили нам.

Но нет, не для того оставлена школа, чтобы сразу отступать. Мы были приняты в ТЮЗ. Прошло полтора месяца. Каждое утро наши школьные папки ложились под заветный камень и каждый вечер забирались обратно. Дома, чтобы не вызывать подозрений, я садилась за стол, открывала тетради и тщательно готовила уроки на следующий день. Домашние задания тайком сообщали нам одноклассники. Училась я на одни пятерки. И впоследствии, учителя удивленно разводя руками, качали головой: «Как могла, мол, я, Бакен, такая способная ученица, оставить школу и пойти в какой-то театр».

Конечно, наше бегство из школы не могло долго оставаться тайной. Вскоре узнали о нем и родители. Наверно, суждена мне была судьба актрисы. Я не представляла себе жизни без сцены, и родители смирились. Шел 1936 год.

Долго мне не поручали никакой роли. Но однажды заболел один из артистов. Моим первым дебютом на сцене была роль американского мальчика Клиффа из пьесы «Сын скэба». Она была и моим маленьким успехом. В то время в ТЮЗе ставил пьесу Лопе де Вега опытный режиссер Самарин-Волжский. И второй моей ролью была Лауренсия из спектакля «Овечий источник». Вероятно, Самарин-Волжский решил пойти на риск, доверив эту роль мне, такой еще неопытной актрисе, и я страшно волновалась. Не помню, как шел спектакль, что творилось в зале, мне ли хлопали или кому другому. Щеки мои пылали, я вся была поглощена ролью. Наверно, я играла хорошо, потому что потом мне пожимали руки, поздравляли с успехом, говорили много хороших и теплых слов. Было радостно сознавать, что пришло признание.

Увлеченная театром, я не замечала, как среди репетиций и постановок бежали дни и месяцы. В годы Великой Отечественной войны наш небольшой коллектив выехал в Пржевальск. Мы выезжали в колхозы, давали концерты до-

призывникам, ставили спектакли киргизских и русских драматургов на военные темы. Среди них были «Клятва» А. Токомбаева, «Черная туча» К. Эшмамбетова и «Русские люди» К. Симонова.

Но самая интересная работа нас ожидала позже, когда после окончания войны снова вернулись в город Фрунзе. Признаться, мы здорово волновались с Даркуль, ведь у нас не было театрального образования, а в годы войны коллектив Республиканского драматического театра пополнился выпускниками первой Киргизской студии, окончившими Московский ГИТИС им. А. В. Луначарского. К нам пришли актеры Н. Китаев, А. Саргалдаев, К. Тюмбаев, Н. Курманалиева. А кто были я и Даркуль? Как говорится, самоучки.

НА ВСТРЕЧУ СОРОКАЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ И КОМПАРТИИ КИРГИЗИИ

Все было отдано театру: время, мысли, заботы, радости и огорчения. Бесконечные репетиции, буквально каторжная работа над собой поглощали часы, сутки, все свободное время. Мы должны были доказать, что играем не хуже выпускников. Репертуар театра в довоенный период и в годы войны был не особенно разнообразен. Долгие годы я не могла осуществить свое заветное желание — сыграть роль современницы, женщины-киргизки, вырвавшейся на свободу, познавшей радость труда, счастья. Я сыграла немало ролей современниц: электротехника Дашу в пьесе «Мы не те, что были», зоотехника Анаргуль в «Тар Кыпчагай», врача Айшу в «Курмане». Но все это было не то, о чем мечталось.

В конце тридцатых годов театр только-только начал познавать произведения русской классики. Его первыми спектаклями были «Ревизор» Н. Гоголя и «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского. Это были первые шаги. Позже я работала над ролью Джеесси («Русский вопрос» К. Симонова). Роль американки, ее привычки и манеры — все было незнакомо мне. Пришлось перерывать уйму журналов, смотреть американские фильмы, читать литературу. Пьеса шла с большим успехом. Киргизские зрители радовались каждой нашей удаче на сцене. И все же театру в то время не хватало пьес национального характера, пьес, в которой я смогла бы осуществить свою давнюю мечту.

В начале пятидесятых годов коллектив театра приступил к творческой работе над произведениями мировой классики.

Деэдемона из спектакля В. Шекспира «Отелло». Мне кажется, это была самая трудная роль. Я работала над ней вдохновенно, старалась каждый шаг, каждое слово сделать и про-

изнести так, чтобы во мне, киргизке, зритель увидел воплощение нежной, страстно любящей женщины из знатного венецианского рода. Было очень трудно. За тридцать лет на сцене я сыграла более ста ролей, особенно мне дорога Катерина из «Грозы» А. Островского. Возможно, потому, что благодаря ей я обрела большую и дорогую мне дружбу с известной русской актрисой московского театра имени Маяковского Е. Козыревой. Я знала, что она одна из самых талантливых исполнительниц этой роли. С просьбой помочь мне советом я послала письмо знаменитой актрисе. Завязалась переписка. «Моя далекая Катерина» — называла она меня в своих письмах. Я ценю ее большую помощь, только благодаря этой дружбе мне удалось успешно справиться с ролью Катерины. «Бакен, вы смогли передать в Катерине то, что редко кому удавалось, — это новое светлое и юное», — писала мне Е. Козырева. И, возможно, еще потому, что над ролью я работала очень много и долго, стараясь довести до киргизского зрителя и нежность Катерины, и ее отчаяние, и протест, ее любовь и прежде всего — широкую, русскую натуру.

Месяцы и годы поисков ушли на эту роль. Наконец, в 1954 году исполняется мое заветное желание. Я снимаюсь в роли «Салтанат» в первом фильме о моей Родине. На фестивалях во Франции, в Индии фильм получает высокую оценку. В гости, в Париж приглашает меня знаменитый Жерар Филипп. Я еду в Париж. Это было словно во сне. Разве мечтала моя мать, простая киргизская женщина, прожившая всю жизнь в селе, знавшая нищету и побои, голод и холод, разве думала она, что ее дочь станет знаменитой актрисой, будет ходить по бульварам Парижа, а потом в составе советской делегации посетит Индию? Что в честь советских друзей, в честь ее дочери-киргизки будет устроен прием во Дворце премьер-министра Индии Неру? После дебюта в кино мне было присвоено высокое звание народной артистки Киргизской ССР.

В начале шестидесятых годов на сцену нашего театра, на экраны республики пришли произведения талантливого киргизского писателя Чингиза Айтматова. В театре ставится его инсценировка «Лицом к лицу», где я — исполнительница роли Сейде, героини, прошедшей сложный путь от молодой и робкой женщины до женщины суровой, много пережившей. Я снимаюсь в фильмах, поставленных по его рассказам: «Токтогул», «Перевал», по повести «Первый учитель».

Говорят, что мне удалось сохранить молодость в пожилом возрасте. Возможно, это и правда. Мне всегда приходилось играть роли молодых, а в последнем фильме по повести Чингиза Айтматова «Материнское поле», который сейчас снимается, я в роли Толгонай. И мне чуть боязно. Это еще один образ моей мечты.

Перевоплощение в роль старой женщины горькой судьбы, мысли и думы которой перекликаются с символичным образом Матери-Земли, очень труден. Приходится выполнять незнакомые мне работы, сеять и пахать, убирать урожай и косить травы. Очень хочется, чтобы этот образ получился по-настоящему полноценным и колоритным. На время съемок я ушла из театра. Но пройдет несколько месяцев, и я снова вернусь под его родную крышу. Правда, не совсем так. Ведь мне уже придется играть в новом здании Киргизского драматического, строительство которого заканчивается. И первой моей ролью на новой сцене будет роль Медеи. Трудно даже поверить в это: «Медея» на сцене театра народа, совсем недавно не знавшего классики. Да что там классики — письменности.

Меня можно назвать ровесницей республики. Мой путь — это путь киргизской женщины за последние сорок лет, из которых тридцать я смогла посвятить исполнению своей мечты.

«Коммунистический фронт»
г. Фрунзе

12 ОКТ 1966